

- ⁹⁶ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 16. Рязанская губ., Егорьевский у. 1899 г.
- ⁹⁷ АИЭ. Д. 8707 Л. 76 об. Смоленская обл. и р-н, д. Каспля.
- ⁹⁸ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1643. Л. 7. Смоленская губ., Поречский у. 1894 г.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1642. Л. 8. 1899 г.
- ¹⁰⁰ АИЭ. Д. 7780. Тетр. 1. Л. 10. Псковская обл., Гдовский р-н, с. Самолва. 1981 г.
- ¹⁰¹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 840. Л. 17. Новгородская губ., Череповецкий у.
- ¹⁰² Там же. Д. 234. Л. 13. Вятская губ., Орловский у.
- ¹⁰³ Там же. Д. 1496. Л. 6. Саратовская губ., Хвалынский у.; см. также: АИЭ. Д. 8707. Тетр. 2. Л. 58. Смоленский р-н, д. Хохлово. 1987 г.; Д. 8604. Л. 12. об. Псковская обл., Велижский р-н. 1982 г.
- ¹⁰⁴ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 642. Л. 2. Нижегородская губ., Васильсурский у.
- ¹⁰⁵ АГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 6. Орловская губ. 1880-е гг.
- ¹⁰⁶ *Косвен М. О.* Указ. раб. С. 100.
- ¹⁰⁷ АИЭ. Д. 8303. Тетр. 1. Л. 10. об. Смоленская обл., Духовщинский р-н, д. Клестово. 1982 г.;
- Л. 76. д. Булгаково; Л. 130; Рославльский р-н, д. Чижовка.
- ¹⁰⁸ АГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 6. 1880-е гг.
- ¹⁰⁹ АИЭ. Д. 8737. Л. 53 об. Вологодская обл., Тарногский р-н.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 8064. Тетр. 2. Л. 15. Псковская обл., Порховский р-н, д. Боровичи. 1982 г.
- ¹¹¹ *Косвен М. О.* Указ. раб. С. 99.
- ¹¹² АИЭ. Д. 8736. Л. 35. Смоленская обл., Велижский р-н, д. Будница. 1984.
- ¹¹³ Там же. Л. 64. Смоленская обл., Дорогобужский р-н, д. Кузино. 1984 г.
- ¹¹⁴ Например, в Велижском районе Смоленской области такой порядок установления отношений кумовства существует уже как обычай, в то время как в Дорогобужском р-не (д. Кузино и окрестные деревни) даже не слышали о подобном явлении и считают крестными только тех, кто действительно воспринимал ребенка. Появление условного кумовства характерно для районов, где сохраняются в быту и сознании людей элементы отношений, связанных с крещением, в то время, как сам обряд бывает затруднительно совершить из-за отсутствия церквей.
- ¹¹⁵ АИЭ. Д. 8736. Л. 32 об. Смоленская обл. 1984 г.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 8707. Тетр. 1. Л. 32,45 об Смоленская обл., Глинковский р-н, д. Балутино. 1987 г.
- ¹¹⁷ Там же.

© 1991 г.

М. О. Османов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ

В свое время советские ученые С. П. Толстов, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров создали концепцию хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Теория содержала много возможностей для создания научной картины генезиса и развития хозяйственно-культурных форм мира, отдельных регионов, областей, народов. Однако, как мне кажется, концепция эта не заняла в этнографической науке подобающего ей места. Я далек от мысли «улучшать» или развивать положение о ХКТ, претендовать на какие-то находки или открытия, просто считаю полезным привлечь внимание научной общественности к некоторым вопросам, и в частности к конкретным, «местным» ХКТ.

Следует сказать, что изучение традиционно-бытовой культуры — предметной области этнографии¹ — только на уровне этносов дает дробную картину развития человеческой культуры, затрудняет понимание сходных явлений в культуре разных этносов, общих закономерностей развития культуры. Ю. В. Бромлей справедливо указывал на большое значение концепций ХКТ для понимания «общего» и «особенного» (местного) в развитии культуры², а Я. В. Чеснов характеризует ХКТ «как категорию, вскрывающую механизмы возникновения разнообразия культуры народов»³.

И все же концепция ХКТ, как представляется, недостаточно «задействована» в советской этнографии. Не получила дальнейшего развития теория

концепции, мало региональных разработок ХКТ, почти не изучаются «конкретные вопросы генезиса основных хозяйственно-культурных типов»⁴ и т. д. Видимо, определенную роль в этом сыграли наблюдаемый, по выражению А. И. Першица, в советской этнографической школе «предельно выраженный интерес к этническим аспектам истории»⁵, а также забвение, как указывает Г. Е. Марков, факта, что «фундаментальные проблемы» этнографии «определяются во многом не этнической спецификой, а общенсторическими закономерностями, хозяйственно-культурным типом и т. п.»⁶, что «изучение генезиса и эволюции этнических культур невозможно... без учета, — как пишет С. И. Вайнштейн, — ... и роли хозяйственно-культурных типов в целом»⁷.

Замечу, что и в дискуссии в СЭ о месте этнографической науки (по статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова⁸) концепции и теории ХКТ было уделено мало внимания.

Прежде всего остановимся на формулировке понятия ХКТ. Характерной особенностью определения ХКТ является его всеобщность. Для ойкумены в целом или крупных историко-географических провинций формула ХКТ служит достаточно надежным инструментом хозяйственно-культурной идентификации и классификации. Однако в применении к небольшому региону подобная классификация оказывается затруднительной, инструмент формулы неполным, и дать определение (раскрыть содержание) комплекса местных хозяйственных и культурных особенностей не удается.

Объяснить это можно тем, что концепция (и формула) ХКТ оперирует народами (или регионами) в совокупности, что отразилось и в самой конструкции определения: хозяйственно-культурные комплексы народов, а не народа (области). Если, например, мы попытаемся на основе концепции ХКТ выделить или идентифицировать с уже выделенными хозяйственно-культурные комплексы Дагестана, то окажемся в некотором затруднении: описание комплексов, а тем более их выделение практически превратится в последовательное описание хозяйства и культуры, ибо нет критерия для классификации этих феноменов, составляющих ХКТ. Получается, что ХКТ существуют только как бы во множестве, в модели, как макросистема. Эта особенность формулировки ХКТ отмечена в довольно резкой, но в общем-то справедливой характеристике В. П. Алексеева: «Типология ХКТ, которую мы имеем до сих пор, очень обща, и ... малооперациональна, что подразумевает расплывчатость характеристики и неопределенность вкладываемого в нее содержания»⁹.

Разумеется, складыванию подобной «технологии» типологизации ХКТ способствовали объективные обстоятельства. Авторы концепции С. П. Толстов, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров должны были показать единство закономерностей сложения и развития хозяйства и культуры человечества от первобытных охотников и собирателей до современных форм хозяйства и культуры¹⁰. С другой стороны, было создано столько перечней для культурных и хозяйственных комплексов и ареалов¹¹, что необходимо было сделать шаг к обобщению культурной картины мира в ее развитии и объяснить сходство хозяйственно-культурных комплексов в различных частях ойкумены. При такой постановке вопроса основное внимание фокусировалось на конвергентных явлениях культуры в планетарном масштабе, исследование же конкретных хозяйственно-культурных комплексов и ареалов отодвигалось на будущее. К сожалению, в последующем концепция ХКТ интерпретировалась без особых попыток расшифровать (и унифицировать) содержание (перечень компонентов-признаков) комплекса особенностей хозяйства и культуры. В подобной расшифровке может, видимо, сослужить службу и концепция антропогеоценозов В. П. Алексеева, который не без основания полагает, что «похоже, по характеру взаимодействия хозяйственной деятельности и микросреды антропогеоценозы и сливаются в то, что принимается за хозяйственно-культурный тип»¹². Правда, в антропогеоценозе не отражен культурный компонент, но, имея в виду его относительную локальность (В. П. Алексеев допускает, например, в Дагестане,

даже одноаульные антропогеоценозы)¹³, можно предложить, что дифференциация по культурным компонентам происходит на следующем иерархическом уровне — в ХКТ. При этом в пределах одного региона или области можно было бы наметить такой иерархический ряд в хозяйственно-культурной характеристике: антропогеоценоз — ХКТ (вернее, его локальное «местное» отражение, т. е. хозяйственно-культурный ареал ХКА) — историко-культурная область (ИКО).

Инструментом для создания глобальной хозяйственно-культурной картины мира авторам концепции послужила формулировка: ХКТ — это «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»¹⁴.

Как видим, эта формулировка концепции ХКТ может служить выявлению общего и особенного в этнографической картине именно мира, ойкумены в целом. Возможно, будет целесообразно наряду со ставшей уже хрестоматийной формулировкой ХКТ Левина — Чебоксарова выработать на ее основе конкретную формулировку, которая могла бы стать инструментом в хозяйственно-культурном описании отдельных регионов, областей, районов.

В этом случае она должна быть конкретизирована по отдельным компонентам ХКТ, но вместе с тем иметь (как инструмент) и глобальный характер. Тогда это будет частное описание, осуществляемое на правилах всеобщности и, следовательно, позволяющее сделать шаг к обобщению как в смысле масштабов (до глобальности), так и типизации.

С учетом сказанного можно предложить следующую формулировку ХКТ «местного значения», т. е. ХКА: исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, отражающий их состояние в регионе (области, районе) во взаимосвязи с экологией и уровнем экономического и общественно-политического развития и, в частности, с общественным разделением труда. Существенной особенностью местного комплекса является его территориальная определенность (привязанность). Практически это реализация на конкретной территории общей формулы ХКТ как динамического стереотипа, т. е. это уже хозяйственно-культурный ареал (ХКА), что отразилось и в предлагаемом определении, являющемся фактически конкретным переложением формулировки Левина — Чебоксарова.

Ареальный комплекс хозяйственно-культурных черт одновременно является и единственным в своем роде феноменом и одним из многих аналогичных, которые могут быть выявлены сходными методами и принципами классификации и типизации в других местах ойкумены. Таким образом, если в общей формулировке мы имеем дело с типологизированным комплексом хозяйственно-культурных черт, обобщением, динамическим стереотипом, служащим для типологизации в глобальном масштабе, то местный тип представляет собой конкретную реализацию этого стереотипа на определенной территории.

В связи с этим есть, по-видимому, смысл внести определенные терминологические различия в оба эти понятия — общее и частное. Так, конкретный ХКТ предпочтительно назвать хозяйственно-культурным ареалом (ХКА)¹⁵ или в применении к современности, как это сделано некоторыми исследователями, хозяйственно-культурной зоной¹⁶. Отметим, что этнографы-кавказоведы одни из первых стали разрабатывать конкретные ХКТ на фоне ИКО¹⁷.

Поскольку ХКТ — надэтнические комплексы, можно исходить из посылки, что их реализация у определенного народа является результатом того, что этот народ живет на территории с одинаковой экологией, хозяйством и уровнем общественного развития и поэтому следует говорить о реализации ХКТ именно на определенной территории, т. е. возможна лишь ареализация ХКТ, но не его этнизация.

Напрашивается вопрос, не надумана ли сама постановка вопроса о ХКА. Думается, что нет, особенно если иметь в виду систематизированное изучение

хозяйственно-культурных особенностей небольших регионов. Вводя понятие ХКА, мы получаем, во-первых, возможность доказать наличие конвергентности в различных культурах; во-вторых, при изучении нескольких ХКА в рамках одной ИКО подтвердить эту конвергентность на развернутом конкретном материале; в-третьих, мы получаем возможность анализа и выявления в локальной культуре (как в рамках региона, так и в рамках отдельного этноса) различных эколого-хозяйственно-культурных особенностей и традиций как конвергентных, так и специфически этнических. Это представляет одну из интересных сторон исследования культуры. В противном случае этнографическая целесообразность выделения ХКТ была бы невелика.

Хотя основные компоненты ХКТ, казалось бы, достаточно четко обозначены, однако и здесь имеются отдельные моменты, которые требуют дополнительного исследования. При хозяйственно-культурной ареализации в пределах небольших регионов или областей возникает потребность в определенной детализации компонентов, в расшифровке содержания комплекса особенностей хозяйства и культуры.

Правда, основной признак-критерий очевиден и не вызывает никаких сомнений — это тип хозяйственной деятельности. Сформулированный авторами концепции ХКТ тезис о том, что различия между ХКТ в первую очередь касаются «основных занятий населения»¹⁸, был принят всеми исследователями (ср., например, высказывание Г. Е. Маркова: «при выделении ХКТ основное значение имеет хозяйственный компонент»¹⁹). Ведущая форма хозяйственной деятельности составляет основу ХКТ еще и потому, что «в значительной степени определяет важнейшие этнографические параметры образа жизни, которые могут быть сведены к следующим дефинициям: оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой и бродячий»²⁰. Эти параметры подсказывают, что в содержании ХКТ одинаково важное место занимают и тип земледелия (включая основное обрабатывающее орудие) и форма скотоводства.

Если, например, оседлый образ жизни создают земледельцы, то эта оседлость подкрепляется стационарной формой скотоводства, составляющего органическую часть хозяйства оседлых земледельцев-скотоводов. В некоторых случаях для четкого разграничения можно вводить дополнительные критерии, например, систему земледелия, ирригацию, садоводство, виноградарство и др.²¹

Еще один аспект хозяйственного типа, как основного структурообразующего компонента ХКТ — необходимость выделения главной (и определяющей) отрасли хозяйства. Как отмечает Ю. И. Семенов, «обычно одна из отраслей хозяйства является ведущей, господствующей. Именно она обуславливает характер хозяйства социального организма в целом»²². Например, в равнинном ХКА пашенных земледельцев-скотоводов Дагестана определяющей отраслью было земледелие, скотоводство же, в качестве составной отрасли хозяйства, носило скорее подсобный характер.

В нашем изложении не случайно зашла речь о зональных ХКА. Наравне с классификацией отрасли хозяйства и образа жизни исследователи дают ландшафтно-климатическую характеристику, которая выступает в качестве важного дифференцирующего критерия²³. Даже в условиях такой небольшой области, как Дагестан, характер и удельный вес каждой отрасли хозяйства, а значит и соответствующие элементы культуры меняются от равнины и предгорья до гор, горных долин и высокогорья. В Грузии Г. С. Читая называет основой ее естественно-исторического деления вертикальную зональность, в результате чего «сообразно естественно-историческим областям выработались и хозяйственно-исторические области» с присущей им хозяйственной спецификой²⁴.

Перечень критериев облегчает характеристику ХКА определенного региона и позволяет привязать его к глобальной типологической классификации ХКТ, а также провести работу по выявлению и сведению в типологический ряд особенностей хозяйства определенного региона (области, района). Определив

местные ХКА, можно затем, сгруппировав их, поместив в общую классификацию ХКТ, проследить общие и своеобразные черты, историю сложения и закономерности развития.

Однако постановка вопроса о ХКТ только на уровне хозяйственных типов сведется к констатации связанности хозяйства с экологической средой и уровнем социально-экономического развития, но мало что даст для выяснения культурного многообразия и параллелей, соотношения факторов хозяйственного, экологического, этнического, культурного и т. д. Связана с этими вопросами и проблема ИКО, ее соотношения с эколого-хозяйственной средой, с ХКА. Авторы концепции подчеркнули обязательность культурного компонента, констатируя, правда, при этом, что «особенности культуры, характерные для каждого типа, определяются направлением хозяйства в данных географических условиях»²⁵. Еще более категорично Н. Н. Чебоксаров высказался по этому поводу в соавторстве с Б. В. Андриановым: «Следует напомнить, что речь идет о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах»²⁶. Правда, в самом понимании и оценке культурного компонента имеются определенные неясности и разночтения.

Принимая положение о том, что хозяйство является определяющим компонентом ХКТ, обеспечивающим надлежащий таксономический уровень, точность и идентичность классификации, исследователи меньше внимания уделили культурному компоненту. Наиболее четко сформулировал принцип учета культурного компонента в ХКТ Г. Е. Марков: создавать классификацию ХКТ по хозяйственному признаку, «учитывая как описательный признак культуру»²⁷.

В процессе такого описания может появиться, по-видимому, возможность классификации культурных феноменов и тогда можно будет попытаться ввести их в «обойму» критериев дифференциации ХКТ.

Конечно, первое побуждение, и небезосновательное, ввести в понятие ХКТ те культурные феномены, которые в наибольшей степени связаны с хозяйственными занятиями, входящими по классификации культуры Ю. И. Мкртумяна в производственную сферу (производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства)²⁸, т. е. принять за основу выделения ХКТ «общность и специфику хозяйственно-производительной деятельности, находящую отражение в сфере материальной культуры, в том числе в наборе орудий труда, бытовых предметов, форме жилища и т. д.»²⁹ (с включением тем самым и жизнеобеспечивающей сферы культуры). Основными считаются те элементы культуры (прежде всего материальной), которые в наибольшей степени сопряжены с экологией, хозяйственной деятельностью, отражают специфику ее типа, форм хозяйства, являясь одновременно и компонентами хозяйства. Сопряженность эта оказывается многоплановой, что позволяет использовать эти элементы для дифференциации.

Из элементов культуры, тесно сопряженных с хозяйством, первые — орудия труда — наиболее специфичны для изучаемого комплекса, дополняют характеристику основного аспекта хозяйственной деятельности. Поэтому представляется целесообразным учитывать и их функционально-технологические особенности. Так, например, главное из них — пахотное орудие — бывает самых различных типов; дополнительным признаком служит наличие бороны. В орудиях уборки один из четких показателей — коса (наличие, отсутствие ее), а также наличие женских орудий уборки сена, сочетающих функционально-технологические свойства косы и серпа одновременно (косовидный серп, одноручная коса). В обмолате дифференцирующим является наличие молотильных досок, что характеризует и особенности животноводческой кормовой базы и удобрений (мякина вместо соломы).

После орудий следующим, как нам представляется, дифференцирующим признаком должен выступать транспорт, грузовые перевозки. На первый план здесь выступает вопрос о наличии и удельном весе гужевого колесного транспорта, полозных средств транспортировки, о роли в них крупного рогатого скота

и лошади, об удельном весе вьючных перевозок, наличии ручной транспортировки.

Большинство исследователей считают пищу одной «из наиболее тесно связанных с природными и хозяйственными условиями областей» культуры³⁰, важнейшим дифференцирующим компонентом ХКТ, как «связанную в основном с производственными и жизнеобеспечивающими подсистемами культуры»³¹. Продуктивной представляется мысль, высказанная С. А. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном, о необходимости «построения типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов как в рамках конвергентных, так и родственных ХКТ» с учетом «и структурных, и генетических параметров»³². При учете дифференцирующих свойств пищи важное значение имеет удельный вес в ней растительной и животной, злаковых, клубневых, бахчевых, фруктовых и прочих культур.

В перечне описательных признаков — культурных компонентов — исследователи отводят место и поселению, и жилищу. В поселении выделяются этнографические параметры образа жизни (кочевые, оседлые), тип заселения, форма (планировка). В жилище — соотношение жилого и хозяйственного комплексов (в том числе животноводческого), материалы, планировка (с учетом и вертикальной), форма перекрытия, средства отопления и другие признаки, характеризующие тип жилища.

Важным компонентом ХКТ считают исследователи и одежду³³, хотя многие и подчеркивают ее этнодифференцирующие свойства (например, головные уборы дагестанских женщин)³⁴. Однако и экологическо-хозяйственную районированность одежды нельзя отрицать (например, этим свойством обладает тяжелая овчинная шуба дагестанцев). В качестве компонентов указываются утварь, посуда, мельница, хлебопекарные устройства и др.

В меньшей степени затрагивалась исследователями проблема компонентов духовной культуры, хотя авторы концепции отметили, что различия между ХКТ «проявляются в области духовной культуры». Правда, они определяются «уровнем развития производительных сил» и «направлением хозяйства»³⁵. В перечне компонентов авторы указывают «обычаи и обряды, особенности... верований, культов и фольклора, которые наиболее ярко отражают формы труда и быта при тех или иных ландшафтно-климатических условиях»³⁶. В этом плане в условиях Дагестана довольно продуктивную роль может сыграть обряд первой борозды, дающий возможность проследить закономерности зонального, конвергентного и субстратного историко-генетического характера.

Рассмотрение этих элементов культуры как последовательно, так и в совокупности приводит нас к выводу, что создание установленного универсального критерия («обоймы» признаков) представляет собой практически невозможную и, по-видимому, неосуществимую задачу. Только этим можно объяснить относительную громоздкость и бессистемность перечней критериев в имеющихся исследованиях. Трудность прежде всего связана с тем, что ХКТ — историческая категория, и набор культурных элементов, имеющий дифференцирующую силу и значение на одном историческом этапе, может потерять эти свойства на другом. Кроме того, следует учитывать, что в разных комплексах, составляющих ХКТ, нередко представлены разные перечни объективно существующих элементов культуры и поэтому составить для них единый дифференцирующий критерий будет затруднительно. Но даже при одинаковых перечнях отдельные культурные феномены играют в разных ХКТ разную дифференцирующую роль ввиду разной степени их культурной значимости и, соответственно, фиксируемости в этих ХКТ. Однако, отмечая невозможность (и нецелесообразность) установления универсального твердого перечня критериев культурных компонентов ХКТ, вместе с тем следует, по-видимому, признать, что для облегчения описания можно наметить примерный круг компонентов и их комплексов в качестве дифференцирующих признаков-критериев (особенно для ХКА).

На основе сформулированного перечня признаков-критериев мы в данной работе попытались выявить и охарактеризовать в пределах Дагестанской ИКО основные ХКА (для XIX — начала XX в). При этом мы пользовались глобальной классификацией ХКТ М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, Б. В. Андрианова, И. А. Чебоксаровой, Я. В. Чеснова и др.

Равнинный ХКА Дагестана (в который входят и нижние предгорья) включает следующие компоненты: пашенное земледелие на обширных равнинных полях (господствующее), передковый плуг, борону, преобладание переложной системы при отсутствии удобрения, развитое орошение, значительные садоводство и виноградарство, пшеницу, как преобладающую культуру, специфические земледельческие культуры (рис, марена) и т. д.

Еще одна характерная черта данного ХКА — тесная связь земледелия с развитым скотоводством (крупный рогатый скот), особенно характерно разведение рабочего скота (волы) при большом удельном весе буйволов (признак развитости орошаемого земледелия). В скотоводстве — преобладание выгонно-стойлового типа, обусловленное стационарным земледельческо-скотоводческим хозяйством; заготовка сена мужчинами (косой) и вообще преобладание мужского труда в сельскохозяйственных работах. Слабая развитость домашних промыслов и особенно отходничества из-за трудоемкости (и продуктивности) основной отрасли хозяйства земледелия и кратких нерабочих периодов.

Из культурных параметров можно отметить прежде всего преобладание колесного транспорта (арба) при почти полном отсутствии вьючных перевозок и тем более ручной транспортировки. Отличительная особенность пищи — регулярность и преобладание печеных мучных изделий (хлеб) и хлебных малоалкогольных напитков (буза). Для выпечки хлеба используются в основном подовые печи. Жилище характеризовалось преобладанием турлука, покатою кровлей, горизонтальной планировкой жилого и хозяйственного комплекса, рассредоточением жилищно-усадебных комплексов с обеспечением подъезда повозки к каждому из них. Этот ареал можно назвать ХКА равнинных пашенных земледельцев-скотоводов, он приближается к ХКТ 23 а и 24 а в классификации Н. Н. Чебоксарова и Б. В. Андрианова³⁷.

Горный (среднегорный) ХКА Дагестана также должен характеризоваться как земледельческий, но больше исторически, традиционно, а не по реальному, фактическому масштабу и удельному весу земледелия в хозяйстве. Развитые традиции земледельческого хозяйства, высокая культура террасного земледелия, древность, глубокие корни земледелия, восходящие к неолиту, и принадлежность к ареалу зарождения производящего хозяйства дают полное основание говорить о пашенных земледельцах и скотоводах горного Дагестана³⁸. Не случайно Н. Н. Чебоксаров и Б. В. Андрианов выделили горный Кавказ (с включением Дагестана) как область пашенных земледельцев со значительным удельным весом скотоводства³⁹. В целом горный ХКА можно назвать горным типом оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов аридной зоны умеренного пояса, приближающимся к типу 23 в у Б. В. Андрианова⁴⁰. Для этого ХКА характерно вместо передкового плуга равнины горское орудие типа рала; узкие горные террасы вместо обширных полей; вместо переложной паровая (с плодосменной) система земледелия, порожденная земельной теснотой и демографическим давлением, с развитым удобрением полей и отсутствием орошения зерновых (исключая поздно внедрившуюся кукурузу в долинах). В земледельческом цикле не было боронования, мотыжили только женщины, они же участвовали и в жатве. Особенность скотоводства — слабая соподчиненность с земледелием, преобладание отгонных форм, отсутствие буйволов (которые менее пригодны в хозяйстве, не приспособлены к местным условиям); заготовкой сена занимались тоже женщины; главное орудие — серп. Вообще женский труд был основным в полевых работах. Очень развиты художественные промыслы и отходничество — важные составные части экономики. Культурные параметры также существенно отличаются от рав-

нинных. В транспорте преобладали перевозки на ослах и ручная транспортировка, осуществляемая женщинами. В системе питания — преобладание вареных мучных изделий (хинкал), напитки хлебные; неподовые (с применением открытого огня) хлебопекарные устройства, отражающие особенности экологии (дефицит древесного топлива) и слабую зерновую базу. В жилище основные признаки также противоположны равнинным: основной материал — камень, кровля плоская, планировка вертикальная, тесное расположение жилищ, что обеспечивало проход не арбе, а ослу с поклажей.

Последний — высокогорный ХКА подвижных скотоводов и пашенных земледельцев умеренного пояса приближается к типам 26 в и 27 б в классификации Н. Н. Чебоксарова и Б. В. Андрианова⁴¹. Особенность высокогорного типа в отличие от двух других — преобладание скотоводства, мало связанного с земледелием; в основном это — овцы и молочный крупный рогатый скот (без буйволов). Заготовка (серпом), подвоз сена и вообще большая часть полевых работ осуществлялись женщинами. Земледелие, хотя и пашенное, но в отличие от среднегорья не террасное (его условно можно назвать «склоновым»), система еще более экономная: плодосменная с применением удобрений с элементами пара. В промыслах, в отличие от среднегорья с более развитым земледельческим хозяйством (и, следовательно, более привязанным к месту жительства населением), здесь преобладало отходничество (в чем немаловажную роль играло подвижное скотоводство). Есть свои особенности и в культурных параметрах. В транспорте в дальних перевозках на первый план выступает вьючно-верховая лошадь, а в пределах сельской округи — ручные перевозки, производившиеся женщинами. В пище и здесь отражен парадокс традиционализма земледелия и слабости зерновой базы — она преимущественно растительная, но в соответствии с экологией и особенностями главной отрасли хозяйства (скотоводства) удельный вес мучных изделий иной — первенство принадлежит толокну, пресным лепешкам, испеченным на противне (садже), хинкал отступает на второй план. Хлебные напитки в основном малоалкогольные и безалкогольные; среди хлебопекарных устройств преобладают открытые, непостоянного функционирования (садж), неподовые.

Особенностью жилища можно считать преимущественную многэтажность, связанную с разведением крупного рогатого скота и особенностями заготовки и хранения сена. В одежде определенная специфичность выражена в большей по сравнению со среднегорьем массовости универсальных (т. е. используемых как одеяло, подстилка) овчинных шуб и особенно шерстяной обуви.

Краткое описание ХКА Дагестана иллюстрирует общее положение о том, что ХКТ структурно определяется хозяйственным типом. Однако и дифференцирующие культурные компоненты со своей стороны обнаруживают удивительную соподчиненность и согласованность со структурообразующими хозяйственными, составляя единый комплекс, систему со стержневым главным компонентом.

Все три ХКА достаточно четко дифференцированы, каждый, безусловно, различается по основному (структурообразующему) критерию (хозяйственному типу) и имеет целый ряд других, свойственных только ему культурных компонентов. Дагестанские ХКА подтвердили их неэтническую природу — в рамках одного ХКА расселены по нескольку этносов, и отдельные этносы расположены в пределах нескольких ХКА.

С другой стороны, выявляется, что, какие бы различия ни характеризовали ХКА Дагестана, как бы далеко они ни отстояли друг от друга, они составляют хозяйственно-культурное целое, единство которого реализуется в рамках и на фоне Дагестанской ИКО. В этом смысле Дагестан представляет собой географическую область, ограниченную природными рубежами, этнической традицией, политической и культурной историей, составившую в результате исторического, социального и хозяйственно-культурного развития его народов одну

ИКО, в рамках которой сложились в процессе общественного разделения труда несколько взаимодействующих ХКА. Разумеется, эта ИКО и охватываемые ею ХКА находились в таком же, хотя и менее интенсивном, взаимодействии с соседними ИКО и ХКА, образуя вместе с ними ИКО всего Кавказского региона.

Совершенно иным становится облик ХКТ в советское время, есть даже сомнения в правомерности постановки вопроса о ХКТ в индустриальную эпоху. Вопрос этот, как и многие другие (в особенности касающиеся факторов, обеспечивающих существование современных ХКТ), требует отдельного рассмотрения.

Примечения

- ¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981. С. 84.
- ² Там же. С. 130.
- ³ Чеснов Я. В. О теории «культурных областей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976. С. 95.
- ⁴ Вайнштейн С. И. Историческая этнография в структуре этнографической науки // Сов. этнография (далее — СЭ). 1987. № 4. С. 79.
- ⁵ Першиц А. И. Этнография: некоторые спорные вопросы // СЭ. 1987. № 4. С. 73; см. также: Н. А. Бутинов. О предмете этнографии // СЭ. 1987. № 6. С. 52.
- ⁶ Марков Г. Е. Этнография и историзм // СЭ. 1987. № 4. С. 83.
- ⁷ Вайнштейн С. И. Указ. раб. С. 81, 82.
- ⁸ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // СЭ. 1987. № 3.
- ⁹ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1986. С. 352.
- ¹⁰ Толстов С. П. Очерки первоначального ислама // СЭ. 1932. № 2; *его же*. Этнография и современность // СЭ. 1946. № 1; *его же*. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // СЭ. 1960. № 6; Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4; Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2; Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1970. № 6; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2; и др.
- ¹¹ Достаточно просмотреть обзорную работу Д. Григга, чтобы отчасти убедиться в этом: Grigg D. The Agricultural Regions of the World // Economic Geography. 1969. V. 45. N 2. Worcester.
- ¹² Алексеев В. П. Указ. раб. С. 356.
- ¹³ Там же. С. 357.
- ¹⁴ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. С. 4.
- ¹⁵ Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 50.
- ¹⁶ Насколько нам известно, впервые этот термин в применении к ХКТ был употреблен С. П. Толстовым. См.: Толстов С. П. Этнография и современность. С. 8.
- ¹⁷ См.: Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванети // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (КСИЭ). XXIX. М., 1958. С. 60—61; *его же*. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем // КСИЭ. XXXVI. М., 1962. С. 29; Вардумян Д. С. К характеристике хозяйственно-культурных типов Кавказа // Всесоюз. сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тез. докл. Ереван, 1978. С. 16—17.
- ¹⁸ Линь Яо Хуа, Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы Китая // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LXXXIII. М., 1961. С. 5.
- ¹⁹ Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979. С. 23.
- ²⁰ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. С. 8.
- ²¹ Там же. С. 15—16 (см. также карту).
- ²² Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. 1982. № 2. С. 52.
- ²³ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. Легенда к карте.
- ²⁴ Читая Г. С. К природно-хозяйственному районированию Грузии // Дополнительные материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР, 1964 г. Тез. докл. Баку, 1965. С. 3.
- ²⁵ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. С. 6.
- ²⁶ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. С. 8.
- ²⁷ Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. С. 24.
- ²⁸ Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы иссле-

- дования этнических культур. Ереван, 1979. С. 42—46; *Арутюнов С. А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // *Этнографические исследования развития культуры.* М., 1985. С. 32—33.
- ²⁹ *Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблемы соотношения // *Проблемы типологии в этнографии.* М., 1979. С. 143.
- ³⁰ *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX—XX вв.: традиции и инновации. М., 1982. С. 80.
- ³¹ *Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.* К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов (на материалах армянской системы питания) // *Всесоюз. сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг.* Тез. докл. С. 13.
- ³² Там же.
- ³³ *Вардумян Д. С.* Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX в. // *Труды VII Междунар. конгресса антропологических и этнографических наук.* М., 1964. Т. 10. С. 120.
- ³⁴ *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX в. М., 1981. С. 92; *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Женская народная одежда аварцев // *КСИЭ.* XVIII. М., 1953. С. 19.
- ³⁵ *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб. С. 10.
- ³⁶ *Линь Яо Хуа, Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб. С. 5.
- ³⁷ *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб. Легенда к карте; см. также: *Вардумян Д. С.* К характеристике хозяйственно-культурных типов Кавказа. С. 17.
- ³⁸ См.: *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // *Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР.* Т. IX. Махачкала, 1961. С. 279—297; *его же.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // *Сов. археология.* 1965. № 3. С. 5—13; *Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // *Северный Кавказ в древности и в средние века.* М., 1980. С. 7—14; *Амирханов Х. А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987. С. 158—181.
- ³⁹ *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб. С. 15.
- ⁴⁰ Там же. Легенда к карте.
- ⁴¹ Там же.

© 1991 г.

А. С. Саакян

КУЛЬТ КРЕСТА В КОНТЕКСТЕ АРМЯНСКОГО НАРОДНОГО ХРИСТИАНСТВА

Христианское вероучение в течение своей почти двухтысячелетней истории в различных временных и пространственных границах, как правило, функционировало и распространялось в многочисленных вариантах. Отмеченное варьирование протекало на двух уровнях: а) учено-церковном, где варианты возникали на уровне национальных и ареальных церквей, что и порождало длительные и неопределенно-расплывчатые богословские споры; б) на уровне низших народных слоев (епархий, приходов и др.), где проповедь догмы отдельной конкретной церкви усваивалась и постигалась в соответствии с законами традиционного коллективного мышления.

Процесс усвоения нового вероучения действовал по принципу его конкретизации и упрощения. Последнее выразилось прежде всего в мифологии как идеологической основе новой религии и осуществлялось в первую очередь через вытеснение из нее многочисленных второстепенных персонажей и событий. В результате конкретизации центральное культовое начало заменялось именами одного или двух христианских святых (например, св. Саргис, св. Минас и т. д.) или же священными предметами (св. Крест, св. Копье, икона и т. д.), что, как правило, приносилось в христианскую среду церковь, а затем трансформировалось в предмет самостоятельного культа. Культ местных святых сыграл решающую роль в христианизации широких слоев населения, ибо